

4. Законодательная база репрессий

Хохлова Л.В.
Екатеринбург

СОВЕТСКОЕ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК БАЗА ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИКИ ДИСКРИМИНАЦИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН (1950 - 1980 гг.)

Не имея отчетливого представления об обществе прошлых лет, о его законах, предрассудках, бедствиях и великих свершениях, невозможно понять того, что происходит в настоящем. В этом смысле можно согласиться со словами классика о том, что "традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар над умами живых". Именно поэтому изучение процессов прошедших лет, детальное рассмотрение событий, их причин и последствий необходимо для определения истоков, значения и путей решения проблем сегодняшнего дня.

Конечно, историкам, как и другим исследователям, не хватает тех документов, которые все еще не извлечены из архивов. Они особенно необходимы для характеристики механизмов выработки и принятия решений, для выявления истинной роли в событиях тех лет различных политических и общественных деятелей, хозяйственных руководителей, ученых, служителей "Фемиды". Но важно уже сейчас воспользоваться теми большими группами источников, которые доступны исследователям, чтобы изучить основные тенденции и результаты развития советского общества в 1950-1980 годы.

Одним из направлений общеполитической стратегии и тактики, неотъемлемым звеном системы управления государственными и общественными процессами является уголовная политика. Именно поэтому изучение ее динамики, задач, которые она ставит перед собой, позволяет рассмотреть станов-

ление тех или иных форм государства, изменения в идеологии, ее роль в формировании психологии граждан, общего морального климата общества и т.д. Политика государства в области борьбы с преступностью реализуется путем правотворчества (принятия соответствующих законов) и правоприменения.

Таким образом, законодательство оказывается одним из основных источников при изучении данной сферы государственной политики. Анализ советского уголовного законодательства актуален в настоящее время, т.к., несмотря на значительное расширение круга источников в исторических исследованиях, как-то: массовые источники, рассекреченные архивные материалы, - этот комплекс документов остается не изученным в полной мере. Тем не менее, необходимо отметить, что юридические нормативные акты являются ценным историческим источником. Их рассмотрение позволяет определить приоритеты государственной политики, изменения в законодательстве указывают на развитие общества в целом, на причины подобных изменений, на задачи, которые решались тем или иным нормативным актом.

Особенностью советского законодательства является наличие противоречий между декоративным характером основных законов (Конституция и даже некоторые статьи Уголовного Кодекса) и практикой применения нормативных актов в конкретных судебных расследованиях. Особенно ярко это проявляется в ходе исследования динамики развития понятия "государственные преступления" и практического применения соответствующих статей Уголовного кодекса РСФСР 1961 года издания (далее - УК РСФСР).

По-видимому, в интересах пропаганды формулировки гарантий гражданских и политических прав вошли в советское законодательство. Но ни в условиях сталинского правления, ни в послесталинский период было невозможно безнаказанно использовать такие права, как свобода слова, печати, демонстраций и т.д. Власть, следуя представлению о своих абсолютных прерогативах, полагала проблему соблюдения прав че-

4. Законодательная база репрессий

ловека исключительно политической, а в любом инакомыслящем (диссиденте, правозащитнике) видела потенциального политического оппозиционера. Идеологический монизм, нетерпимость вместе с холодным (хотя и разумным) политическим расчетом привели к непрекращающимся преследованиям инакомыслящих. За каждым их шагом и словом КГБ тщательнейшим образом следил. Свидетельство тому - более 550 томов дел оперативной разработки по Сахарову и 150 томов - по Солженицыну (1). По некоторым подсчетам, в СССР было от двух до десяти тысяч человек, которых можно назвать политзаключенными (2).

Законодательной основой преследований инакомыслящих и других граждан СССР, нарушивших то или иное установление государственных или партийных органов, служили в основном ст.1 и 7 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления (3) (соотв. ст. 64 и 70 УК РСФСР) и ст. 190 УК РСФСР). Примечательно, что содержание этих статей и их применение зачастую противоречило международным правовым актам, подписанным СССР, и даже собственно Конституции СССР.

Так, ст. 13 Декларации прав человека гласит:

"1. Каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах каждого государства.

2. Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную и возвращаться в свою страну" (4).

Ст. 64 УК РСФСР "Измена Родине" в понятие измены включала, помимо прочего, и "Бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР". Практически любая попытка покинуть Советский Союз и поселение в другой стране квалифицировалась как "измена родине". Это мог быть нелегальный переход границы, хотя в УК РСФСР была ст.83, предусматривающая переход границы как таковой и гораздо менее суровое наказание - лишение свободы на срок от 1 до 3 лет. Ст. 64 предусматривала сроки лишения свободы от 10 до 15 лет, а в исключительных случаях расстрел; все осужденные по

этой статье обязательно попадали в лагеря строгого или даже особого режима.

Это могла быть попытка получить политическое убежище, находясь за рубежом. Надо подчеркнуть, что за это под суд обычно попадали "возвращенцы", люди, стосковавшиеся по родине, по оставленным семьям и вернувшиеся в Советский Союз. Вот имеющиеся сведения о нескольких осужденных по ст. 64 УК РСФСР (из самиздата: "Хроника текущих событий" Вып.4. Октябрь 1968 г.):

- Морской офицер, выпускник Кронштадского ВМУ, поэт, член Ленинградского отделения Союза писателей, капитан рыболовного судна. Пытался в 1982 г. уйти вплавь через границу на Черном море, осужден на 8 лет.

- Биолог. Просил политическое убежище во время пребывания за границей, потом вернулся в Советский Союз, публично раскаялся. О его возвращении писали в газетах. Он начал снова работать, а через полгода, когда шум вокруг его возвращения утих, был арестован и осужден (5).

Таким образом, любая попытка, направленная на преодоление "железного занавеса", квалифицировались по одной из основных статей УК: "измена Родине". Целью подобной реакции было максимально оградить граждан СССР от внешнего мира для устранения возможного негативного восприятия советской действительности.

Ст. 70 УК РСФСР "Антисоветская агитация и пропаганда" предусматривала лишение свободы до 7 лет или ссылку до 5 лет за "агитацию или пропаганду, проводимую в целях подрыва или ослабления Советской власти, и распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания". В 1984 г. круг действия статьи был расширен. Она была дополнена частью, предусматривающей уголовную ответственность за те же действия, "совершенные с использованием денежных средств или иных материальных ценностей, полученных от иностранных организаций или лиц,

4. Законодательная база репрессий

действующих в интересах этих организаций" (6). Эта часть была прямо направлена против деятельности таких благотворительных организаций, как Фонд А.Сахарова или Фонд А.Солженицына, оказывающих материальную поддержку лицам, подвергшимся как судебным, так и внесудебным репрессиям.

Для примера, по ст. 70 п. 1 УК РСФСР был обвинен студент Уральского Государственного университета за распространение листовок антисоветского содержания и аналогичные надписи на стенах в аудиториях университета: "Свободу политзаключенным", "Крестьянам - новый НЭП", "Долой КГБ - советское гестапо" (7).

В 1966 г. блок статей УК РСФСР, используемых для преследования граждан СССР по политическим мотивам пополнился ст. 190, вошедшей в гл. 9 "Преступления против порядка управления" (8).

Ст. 190-1 предусматривала до 3-х лет лишения свободы за систематическое распространение в устной, письменной, печатной или иной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. Таким образом, в статье был опущен такой важнейший элемент уголовного законодательства, как обозначение цели, как это было указано в ст. 70 УК РСФСР. Так как в советском государстве сложилось представление о законе как наборе общих тезисов, которые должны быть детализированы в инструкциях, то такое построение статьи оставляло широкое поле для толкования состава преступления. Кроме того, в этой статье не давалось никаких пояснений относительно того, какие именно "ложные измышления" можно трактовать как "порочащие" советский государственный и общественный строй, как должны определяться "ложность" или "вред" тех или иных измышлений.

Один из осужденных по этой статье в своей кассационной жалобе отмечал: "Считаю приговор незаконным и необоснованным, т.к. имело место неправильное истолкование закона, противоречащее его точному смыслу, ибо в ст. 190-1 УК РСФСР сказано о систематическом распространении "заведомо ложных измышлений" (подчеркнуто в источнике) (ложь - соз-

нательное высказывание неверных положений, намеренное искажение действительности). Я же искренне верю в опубликованные в "Хронике" факты, ибо судьбы многих людей, описанные в ней, имеют общее со мной: гонение за критику и за свои убеждения, т.е. происходит явное нарушение прав ст. 125 Конституции.

Прокуратура не отрицает существования в реальности этих фактов, но считает такую форму информации незаконной из-за ее нелегальности" (9).

Ст. 190-3 составом преступления предусматривала организацию или активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок или сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти, или повлекших нарушение работы транспорта, государственных, общественных учреждений или предприятий. Статья явно противоречила Конституции СССР, которая гарантировала советским гражданам право на демонстрацию. Под нарушением же общественного порядка можно было подвести какое угодно публичное проявление протеста граждан, а всякое требование представителей власти могло быть объявлено законным. Таким образом, все, кто выходил на улицы с целью продемонстрировать приверженность к не одобренным властями взглядам, рисковал преследованием по этой статье, предусматривающей до 3-х лет заключения. В случае массовой демонстрации был риск обвинения по ст. 79 УК РСФСР "О массовых беспорядках" с наказанием от 2 до 15 лет. Например, в августе 1968 года на Красной площади семь человек провели сидячую демонстрацию протеста против введения советских войск в Чехословакию. Участникам демонстрации было предъявлено обвинение по ст. 190-1 и ст. 190-3 УК РСФСР. Содержание обвинения в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй, составил текст лозунгов, развернутых демонстрантами "За вашу и нашу свободу", "Свободу Дубчеку" и другие (10).

Появление в СССР такого феномена, как диссидентство, с одной стороны, и отказ властей от практики внесудебного террора сталинских лет, с другой, поставили руководство страны в двойственное положение. Так, в интересах стабильности, режим в такой ситуации все время вынужден был считаться со своими собственными законами, а с другой стороны, он вынужден был их нарушать, чтобы противоборствовать тенденциям демократии.

Уже в 1965 г. произошло событие, которое свидетельствовало, что новое руководство оставалось верным старому жесткому курсу в отношении интеллигенции. По обвинению в антисоветской агитации были арестованы писатели А.Синявский и Ю.Даниэль, опубликовавшие на Западе под псевдонимами несколько литературных произведений. Сам характер предъявленных обвинений и поведения подсудимых сделало этот процесс беспримерным в глазах современников. Во-первых, писателей судили за литературные произведения, во-вторых, несмотря на давление суда и органов госбезопасности, они не признали своей вины и не раскаялись.

Вслед за судом над Синявским и Даниэлем нескончаемой чередой потянулись политические судебные процессы. Само по себе это не было новостью для России. Но в череде судебных процессов с середины 60-х гг. зазвучали новые нотки, каких не было во времена Сталина и Хрущева: главной чертой всех политических процессов 60-70-х гг. было то, что на них речь шла не о факте свершения деяния, а о праве на это деяние.

Советские юристы, изучая Конституцию СССР, кодексы, сопоставляя их друг с другом и правоприменительной практикой, выяснили, что советские законы, при всем их несовершенстве, фактически не запрещали действий, которые инкриминировались инакомыслящим (диссидентам, правозащитникам). Ни Конституция, ни ст. 70 и ст. 190-1 УК РСФСР - при условии их буквального и добросовестного понимания - не отрицали естественных прав личности. В свое время было употреблено много сил, чтобы доказать расплывчатость их формулировок, дающую простор произволу (11).

Так, один из адвокатов, даже не оспаривая того факта, что произведения его подзащитного "грубо извращают Советскую действительность", счел необходимым обратить внимание Судебной Коллегии на следующее: "Осужденный заявил в суде, что произведения и беседы отражают его взгляды. Согласно диспозиции ст. 190-1 УК для уголовной ответственности по этой статье Закона необходимо установить не только наличие ложных измышлений, порочащих советский государственный или общественный строй, но и необходимо установить, что они являются заведомо ложными для самого обвиняемого (подчеркнуто в источнике).

В противоположном случае это дало бы основания неправильно считать, что ст. 190-1 УК РСФСР предусматривает ответственность не за распространение заведомо (подчеркнуто в источнике) ложных измышлений, а за убеждения, что противоречило бы как содержанию данного закона, так и ст.125 Конституции СССР" (12).

Хотя спор между правозащитниками и властью формально происходил на почве "юридического крючкотворства", все явнее становилось, что этот произвол не случаен, что дело не в конкретных формулировках конкретных законоположений. Речь шла не о них, не о букве закона, а о духе законодательства или, точнее, о доктрине законодателя, подчинявшей право политике, высшим государственным интересам.

В УК РСФСР не было ни одной статьи, которая запрещала бы советским авторам публиковать свои произведения за границей или отправлять их туда помимо почтовых каналов. Не правомочно было наказывать авторов и за публикацию своих книг под псевдонимами. Тот факт, что кто-то использовал те или иные произведения в антисоветских целях, не создавало для авторов никакого криминала.

В качестве примера того, что сами законы были меньше ответственны за широко известные нарушения прав человека, чем порочная практика, можно обратиться к их анализу известного правозащитника В.Чалидзе: "Людей сажали за что угодно, только не за пропаганду или агитацию, направленную против

4. Законодательная база репрессий

власти Советов. За критику компартии или чиновников, за оскорбление высших властей, за литературное произведение или критику положения церкви и многое другое, в том числе явно или неявно, за критику отсутствия власти у Советов, но никогда за критику собственно советской власти" (13). Таким образом, подавляющее число политзаключенных не совершало преступлений в том понимании этого слова, которое принято в демократических странах, не совершали насильственных действий и не призывали к ним.

Еще одним законодательным актом, использовавшимся для борьбы с инакомыслящими, был Указ "Об усилении борьбы с лицами, ведущими паразитический антиобщественный образ жизни", принятый в 1961 г. (14). Указ не вошел ни в уголовный, ни в какой-либо другой кодекс. Он предусматривал для лиц, более месяца нигде не работающих, выселение на срок от 2 до 5 лет на север Европейской России, Сибирь и Дальний Восток" с обязательным привлечением к физическому труду. Этой карательной мерой, по-видимому, пытались решить две проблемы: ликвидировать безработицу, обеспечив рабочей силой отдаленные районы и очистить большие города от "антиобщественных элементов". Указ представлял также удобное средство для расправы с неугодными лицами из интеллигенции. Лица, принадлежавшие к этой категории населения, часто не имели постоянного места работы, занимаясь творческим трудом. Они составляли основу развивающегося диссидентского движения.

Таким образом, советское уголовное законодательство и деятельность по его применению были максимально политизированы и идеологизированы. Уголовная политика выступала в качестве необходимого инструмента удержания власти, обеспечения господства правящей элиты, сохранения политических, экономических, идеологических условий, поддерживающих это господство.

Изменения в уголовном законодательстве, его ужесточение, расширение сферы действий, наконец, нарушения законности непосредственно влияли на общество. Считалось, что можно

оправдать обход закона ради более приоритетных задач. Однако такой подход являлся глубоким заблуждением. Издержки негативного плана, связанные с нарушением или неисполнением закона, не проявляются наглядно и сразу. Однако, в конечном счете, они имеют отрицательный общественный резонанс, оборачивающийся не только материальными, но, главным образом, нравственными потерями. На сегодняшний день наиболее очевидное последствие произвола прошедших лет - правовой нигилизм, неверие в силу закона.

Примечания

1. Бакатин В. Избавление от КГБ. М., 1992. С.33.
2. Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М., 1990. С.103-104.
3. Закон об уголовной ответственности за государственные преступления, 25 декабря 1958 г.//ВВС СССР. 1959. № 1. Ст.8.
4. Всеобщая Декларация прав человека, 10 декабря 1948 г. // Международная защита прав и свобод человека: Сб. документов. М., 1990. С.16.
5. ГААОСО. Ф.1. Оп.2. Д.44031. Л.191.
6. О внесении изменений и дополнений в УК и УПК РСФСР: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР, 30 ноября 1984 г. // ВВС РСФСР. 1984. № 5. Ст. 168.
7. ГААОСО. Ф.1. Оп.2. Д.44083.
8. О внесении дополнений в УК РСФСР: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР, 16 сентября 1966 г. //ВВС РСФСР. 1966. № 38. Ст. 1038.
9. ГААОСО.Ф.1. Оп.2. Д.44031. Т.9. Л.163.
10. Каминская Д. Уголовное дело №... "О нарушении общественного порядка и клевете на СССР..." - процесс 1968 г. //Знамя. 1990. № 8. С.97-139.
11. Богораз Л., Голицин В., Ковалев С. Политическая борьба или защита прав? // Погружение в трясину. М., 1991.С.526-527.
12. ГААОСО. Ф.1. Оп. 2. Д. 44031. Т.9. Л.177-178.
13. Чалидзе В. Заря правовой реформы. М.,1990.С.75-76.
14. Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР, 4 мая 1961 г. // ВВС РСФСР. 1961. № 18. Ст. 273.